

Александра Ушакова

*Ягиня из Бухгалтерии.
Зачисление в Академию*

Ягиня из бухгалтерии.

Александра Ушакова

**Ягиня из Бухгалтерии.
Зачисление в Академию**

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Ягиня из Бухгалтерии. Зачисление в Академию /
А. А. Ушакова — «Автор», 2026 — (Ягиня из бухгалтерии.)

Из обычной бухгалтерши — в Хозяйку магических законов. Алия Назарова платит за силу белыми волосами и вечным долгом. Её магия — не стихии, а расчёты: она заключает договоры с духами и балансирует счета апокалипсиса. Рядом — Ивс, кот-архивариус, циничный наставник, и Святомир, страж-исполин, чья стальная воля дала трещину. Вместе они выживают в Откате — слоистой реальности, где город помнит СССР, а древние существа ведут холодные войны. Но главная битва — внутри. Как остаться человеком, когда мир рушится? Как любить, когда каждый день — цена за вчера? История о том, что спасение — не в суперсиле, а в принятии боли, долга и чуда домашнего очага. ГДЕ ЭПИЧЕСКОЕ ВСТРЕЧАЕТ БЫТ: ЧАЙ С БЛИНАМИ НА КРАЮ КОНЦА СВЕТА.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Форма	11
Глава 2. Дни перед цветением	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ягиня из Бухгалтерии. Зачисление в Академию

Пролог

Алия вышла из комнаты, всё ещё ощущая на языке привкус ночных трав и в ушах – тихое уханье совы. Урок Уху, урок палеты, закончился, но его отзвук жил в ней, пульсировал где-то под рёбрами, смешиваясь с усталостью и тем странным, новым чувством, которое она никак не могла назвать. Три предмета в глиняной чаше. Полынь. Камень. Уголь. И тени, которые они отбрасывали – зелёные, красные, чёрные, – всё ещё стояли перед глазами, переплетаясь, как корни того древнего дуба, что вырос посреди гостиной, а потом растворился, оставив после себя только запах прелых листьев и мудрую, всепонимающую тишину.

Мысли путались. Она слышала голос Уху, её низкий, бархатистый говор: «Ты научилась не просто видеть оттенки, но составлять из них смыслы». Смыслы. Из полыни, камня и угля. Из горькой защиты, тяжёлой памяти и очищающего огня. Из своей собственной истории, которую она сама не понимала до конца, но которая теперь лежала перед ней, разложенная по цветам и теням.

Она шагнула в коридор – и замерла.

Дом изменился. Она знала это, видела, как преобразилась кухня, как появился кабинет с чертёжными инструментами, как стены расцвели ромашками. Но сейчас, в сумерках, после долгих часов, проведённых в комнате-лесу, где время текло иначе, изменения казались более глубокими, почти осязаемыми. Коридор, ещё вчера бывший просто коридором, теперь тянулся куда-то вдаль, теряясь в полумраке, и Алии показалось, что если идти по нему достаточно долго, можно выйти не в прихожую, а куда-то совсем в другое место – в лес, может быть, или на берег реки, где ждут просители. Стены, недавно бывшие просто стенами, дышали. Не метафорически – физически: чуть заметно пульсировали, как лёгкие, и на их поверхности, в узорах обоев, проступали листья, ветви, иногда – чьи-то лица, которые исчезали, стоило взглянуть на них прямо.

Она пошла вперёд, ступая неслышно, хотя половицы, казалось, ждали её шагов, чтобы отозваться привычным, уютным скрипом. Но сейчас дом молчал. Он тоже слушал. Прислушивался к ней, к её состоянию, к тому, что она принесла с собой из комнаты-леса.

И когда она подошла к двери кухни, она услышала голоса. Не те, что звучали в её голове, не шёпот трав или теней, а живые, человеческие – и от этого внезапно стало легче, будто она вынырнула из глубины, где воздух был тяжёл и густ, и вдохнула полной грудью.

– ...и главное, чтобы тесто не перестояло, – говорила Ольга, и в её голосе слышалась та особая, домовая забота, которая могла бы показаться суетливой, если бы не была такой искренней. – Оно, знаешь, дух имеет, его перебить нельзя, только перебиться. А у нас гостя, не простая...

– Уж кто бы говорил о духе теста, – отозвался другой голос, низкий, чуть насмешливый, но в этой насмешке Алия узнала привычную, деловую интонацию Ивса, за которой всегда скрывалось что-то большее. – Сама-то вчера чуть не распустила дом по брёвнышку от счастья. Хорошо, что Лия вовремя одумалась, а то бы мы сейчас в гостиной лес дремучий имели, с медведями и филинами.

– А что, – Ольга, кажется, обиделась, но не всерьёз, а так, для порядка. – Лес бы тоже хорошо. Места много. И ягоды бы свои. И грибы...

– И комары, – парировал Ивс. – И лешие, которые веники воровать приходят. Нет уж, спасибо. Дом – он домом должен быть. Уютным. С печкой. И чтобы пирогами пахло. Кстати, у тебя там не подгорает?

Алия толкнула дверь и вошла.

Она ожидала увидеть привычную картину: Ивс на своей табуретке, Ольга у плиты, стол, накрытый к ужину. Но в кухне было не так, как всегда. Вернее, так же, но иначе – глубже, насыщеннее, словно все предметы обрели второй, потаённый смысл, который раньше был скрыт. Свет лампы падал не просто на стол, а на каждый предмет, и каждый предмет отбрасывал не одну, а несколько теней – как на уроке у Уху. Тарелки светились изнутри, будто хранили тепло всех блюд, что когда-то на них подавали. Полотенце на крючке казалось не просто тканью, а сплетением нитей, в каждой из которых была своя история. Даже сковорода на плите отбрасывала тень, похожую на карту неведомой страны.

Но главное – за столом, в самом её кресле, сидела Она.

Алия узнала её сразу, хотя видела всего раз, да и то – в отражении, в зеркале, которое тогда было скорее порталом, чем стеклом. Женщина, которую она мельком заметила в кабинете ректора? Нет, не та. Эта была другой. Строже. Старше. Неизменнее.

Хозяйка Медной Горы.

Непоколебимая, строгая, вырезанная из самого воздуха порядка. Она сидела на стуле – том самом, на котором ещё утром Алия ела оладьи со сметаной, – но теперь стул этот казался не деревянным, а каменным, вросшим в пол, как скала в земную кору. Её платье, тёмное, струящееся, отбрасывало тени, которые не шевелились, не дрожали, а лежали на полу ровными, чёткими пятнами, будто отлитыми из чугуна. Волосы, собранные в строгий пучок, казались не волосами, а прожилками чёрного мрамора, и в них, если приглядеться, мерцали вкрапления слюды, отблески того, что спрятано глубоко, в недрах, куда никогда не заглядывает солнце.

Перед ней стоял тонкий хрустальный бокал – такой тонкий, что, казалось, он вот-вот лопнет от собственной хрупкости, – и в этот бокал Ольга, дрожащей от благоговения рукой, подливала напиток цвета молодой листвы и малахита. Жидкость была густой, почти маслянистой, и в ней, когда она переливалась из графина в бокал, вспыхивали и гасли искры, похожие на зарницы далёкой грозы. Запах, который при этом разливался по кухне, был незнакомым и древним – в нём смешивались хвоя, мёд, металл и что-то ещё, что Алия не могла определить, но что заставляло её сердце биться ровнее, а дыхание становиться глубже.

Ивс стоял у печи. Не сидел, не лежал, как обычно, на своей любимой лежанке, а именно стоял – по стойке «смирно», вытянувшись в струну, и его монокль, который он обычно носил с ленивой небрежностью, теперь был безупречно чист, а шерсть – приглажена и расчёсана. Он даже не смотрел на гостью прямо, а скорее чуть в сторону, и в его позе было то же самое, что и в бокале, и в напитке, и в самой женщине: незыблемость, порядок, готовность к чему-то, что не терпит суеты.

Алия переступила порог, и пол под её ногами, только что мягко поскрипывавший, стал твёрдым, как каменная плита. Свет в кухне, ещё минуту назад тёплый и живой, сделался ровным, бестеневым, и все предметы, от тарелок до полотенец, вдруг стали просто предметами – без вторых смыслов, без потаённых теней, без историй. Только то, что есть. Только здесь и сейчас.

Женщина подняла на Алию свой взгляд-сканер. Казалось, она видела не уставшее лицо с белыми волосами, не простую льняную рубаху, которую Алия надела после урока, не платок, всё ещё накинутый на плечи, а свежееписанный свиток отчётов, где каждая строка была выверена и подписана. В этом взгляде не было осуждения – и не было одобрения. Была констатация. Проверка фактов. Сверка с неким эталоном, который существовал только в её сознании, высеченный из того же камня, что и она сама.

– Вы прошли начальное обучение, – заявила она, и это был не вопрос, а констатация. Её голос, как всегда, отдавался гулко в костях, заставляя позвоночник выпрямляться, плечи расправляться, а руки – опускаться по швам, будто на смотре. – Имеется карта владений. Статус – «Страж под испытательным сроком, прошедший базовое ознакомление». Это удовлетворительно.

Слово повисло в воздухе. «Удовлетворительно». Не «отлично», не «хорошо», даже не «плохо». Просто – удовлетворительно. Достаточно. Не больше и не меньше. Алия почувствовала, как внутри неё что-то расслабляется – то самое, что сжималось перед каждым экзаменом, перед каждой проверкой, перед каждым разом, когда её оценивали. Удовлетворительно. Она прошла. Она не провалилась. Этого было достаточно. По крайней мере, сейчас.

Хозяйка Медной Горы положила на стол перед собой небольшой предмет, и Алия, только что расслабившаяся, снова напряглась, потому что предмет этот был странным, невозможным и – прекрасным.

Это был каменный цветок.

Не уральская сказка, расписанная яркими красками, не лубок, не вышивка. Суровая, первозданная реальность: малахитовый подснежник с лепестками из тёмного, почти чёрного яшмового агата. Каждый лепесток был отполирован до зеркального блеска, и в каждом, если смотреть достаточно долго, начинала проступать глубина – не отражение, а именно глубина, уходящая куда-то вниз, в те слои, где время течёт иначе, медленнее, тяжелее. Стебель был из серпентина, с прожилками, похожими на застывшие молнии, а в сердцевине, там, где у живого цветка должна быть тычинка, горел крошечный, едва заметный огонёк. Не свет, а память о свете, сжатая до размеров горошины, спрессованная веками в кристалл, который видел больше, чем любой живой глаз.

Цветок был неестественно прекрасен и холоден. Даже воздух вокруг него, казалось, становился плотнее, тяжелее, прохладнее, и Алия, глядя на него, чувствовала, как дыхание сбивается, а мысли, только что путавшиеся, выстраиваются в строгий, чёткий ряд.

– Явитесь на представленные встречи для зачисленных, – продолжила Хозяйка, и в её голосе не было ни намёка на возможность отказа. – В... первый день цветения яблони в вашем саду. Вам выдадут форму и учебники. Под поруку.

Она сделала паузу. Первую за весь разговор. Алии показалось, что в этом молчании, в этом крошечном зазоре между словами, Хозяйка Медной Горы, существо, привыкшее измерять время тысячелетиями, вдруг задумалась о том, как донести свою мысль до смертной, чья жизнь для неё – лишь краткий миг между ударами маятника. И, кажется, нашла слова. Её взгляд, холодный и глубокий, как шахта, уходящая в самое сердце горы, остановился на Алии, и в этом взгляде мелькнуло что-то, похожее на... интерес? Участие? Или простое любопытство того, кто наблюдает за экспериментом, не зная, чем он кончится?

– Я буду вашим доверенным лицом в Академии, – сказала она, и каждое слово легло на плечи Алии тяжестью, которую невозможно было сбросить. – Форма уже в шкафу. На три сезона. На этом я откланиваюсь.

Она отпила глоток изумрудного напитка – медленно, с достоинством существа, для которого даже питьё было ритуалом, актом, имеющим значение. Поставила бокал с тихим, но удивительно отчётливым звоном, и в этом звоне, чистом и высоком, как удар по горному хрусталу, растворилась та странная, тяжёлая тишина, что висела в кухне всё это время.

Она встала. Не попрощалась. Не кивнула. Просто развернулась и направилась к старому треснувшему зеркалу в прихожей – тому самому, в котором Алия впервые увидела своё новое отражение с белыми волосами, тому самому, которое, казалось, жило своей, отдельной жизнью, помня больше, чем любой смертный мог бы вынести.

Хозяйка Медной Горы не открыла его. Она шагнула в отражение.

Камень её платья, её волос, её бесстрастного лица на мгновение слился с поверхностью стекла, с его трещинами и потёками, с его мутной, старой глубиной, будто она была всего лишь ещё одной трещиной, ещё одним сюжетом в его бесконечной летописи. И растворилась. Без звука, без вспышки, без малейшего возмущения воздуха. Только лёгкий, едва уловимый запах озона остался в прихожей, да на стекле – новый, едва заметный отблеск, которого не было раньше, тонкая серебристая нить, вплетённая в сеть старых трещин.

В кухне воцарилась тишина.

Алия стояла, не двигаясь, и чувствовала, как эта тишина оседает на плечи, на волосы, на кожу, как иней. Она не была пустой – она была полной. Полной того, что только что произошло, полной слов, которые были сказаны и не сказаны, полной обещаний, которые она не давала, но которые теперь лежали на ней, как каменный цветок на столе.

– Ну вот, – первым нарушил молчание Ивс, обретая дар речи и, кажется, способность двигаться. Он сбавил градус официальности, но в его голосе оставалось напряжение – то самое, которое бывает после того, как над тобой прошёл ураган, и ты ещё не веришь, что остался цел. – Прямо скажем, высокая честь. Или высокая заинтересованность. Хозяйка Медной Горы в качестве доверенного лица... Это всё равно что получить в кураторы саму скалу, на которой стоит мир. Надёжно. Неподвижно. И... – он помедлил, подбирая слово, и его хвост дёрнулся, выдавая скрытое волнение, – несколько давяще.

Алия медленно подошла к столу. Движения её были осторожными, будто она шла по тонкому льду, который мог проломиться в любую секунду. Она села на стул напротив того, где только что сидела гостья, и почувствовала, что дерево под ней ещё хранит тепло – не человеческое, иное, глубинное, идущее откуда-то из недр, где температура измеряется не градусами, а веками.

Она протянула руку и дотронулась до каменного цветка.

Лепестки были ледяными. Не просто холодными – ледяными, как вода в глубоком колодце, куда никогда не заглядывает солнце, как воздух в пещере, где тысячу лет не ступала нога человека. Холод прошёл по пальцам до самого локтя, поднялся к плечу, к сердцу, и там, в груди, встретился с тем теплом, которое она носила в себе после уроков Полуденницы, после прощания с русалками, после того, как дом расцвёл зелёными стенами и ромашками. Тепло не отступило, но стало тише, осторожнее, словно признавая, что в этом доме теперь есть место и для холода, для того, что не греет, но укрепляет, как закалённая сталь.

– Что это значит, Ивс? – спросила она, не отрывая взгляда от цветка. В её голосе не было страха. Было только любопытство – то самое, которое двигало ею, когда она впервые открыла Книгу, когда впервые надела платок, когда впервые услышала голос Лесной Сторожи. – «Доверенное лицо»?

– Значит, – кот прыгнул на стол, с поразительной аккуратностью выбирая место, чтобы не задеть цветок, и уселся, обернув хвост вокруг лап с видом лектора, начинающего важную тему, – что отныне все твои взаимодействия с Академией, все отчёты, запросы, претензии – будут проходить через неё. Она твой защитник, поручитель и, по сути, контролёр. С одной стороны, это щит. Никто не посмеет давить на тебя слишком сильно, если за тобой стоит она. С другой... – он многозначительно посмотрел на цветок, на его холодное, равнодушное совершенство, на ту глубину, что пряталась в отполированных лепестках, – ...ты теперь всегда на виду. Каждый твой шаг будет известен. И оцениваем. Не то чтобы она будет подглядывать, но... её камень в твоём доме. Это маяк. И якорь. И, возможно, для существа, которое мыслит категориями геологических эпох, твоя жизнь – лишь краткий миг. Возможно, ей просто... интересно наблюдать за экспериментом.

– А форма? Встречи? Первый день цветения яблони? – Алия чувствовала, как усталость накрывает её с новой силой, но это была не та изматывающая усталость первых дней, когда она просыпалась и не знала, зачем вставать. Это была усталость после долгой, трудной работы,

когда всё тело ноет, но в душе – покой. Казалось, только что закончился один марафон, а на горизонте уже маячит следующий, и надо собирать силы, чтобы снова бежать.

– Форма – это униформа стража-академиста. – Ивс говорил медленно, обдумывая каждое слово, будто сам привыкал к этой новости, примерял её к своей картине мира, проверял, не треснет ли она под тяжестью нового знания. – Символ принадлежности к системе, хоть и низшего звена. Не комзол, не парадное облачение. Учебная. Простая. Но со знаками отличия, которые ты пока не умеешь читать. Учебники... будем надеяться, там будут внятные инструкции, а не просто трактаты на языке драконьей латыни, которые придётся расшифровывать с помощью словаря и магического фонаря. А день цветения яблони... – он задумался, и его усы дрогнули, выдавая ход мысли. – Это поэтично и точно. Яблоня в нашем саду старая. Она может и не зацвести, если зима будет суровой, или зацвести на неделю раньше, если весна придёт рано. Значит, встреча не привязана к календарю. Она привязана к твоему миру, к состоянию твоих владений. Это тонкий намёк: сначала обеспечить порядок и плодородие дома, тогда получишь доступ к знаниям извне. Сначала – корни. Потом – цветы. Потом – плоды. Всё в своё время.

Ольга, всё это время молча стоявшая в углу, робко выступила вперёд. Её лицо, обычно спокойное, сейчас пылало решимостью, а глаза горели тем особым, домовым огнём, который способен согреть всё вокруг.

– Я... я присмотрю за яблоней, Лия, – прошептала она, но в этом шёпоте была такая сила, что Алия невольно улыбнулась. – Поливаю, поговорю с ней... чтобы вовремя. Яблоня старая, она помнит, как за ней ухаживали. Я ей напомню. Про всё напомню. И она зацветёт. Обязательно. Даже если зима будет лютой.

Алия слабо улыбнулась ей. В этой улыбке была благодарность – не формальная, не вежливая, а настоящая, идущая от сердца, которое только недавно научилось снова чувствовать тепло.

– Спасибо, Ольга.

Она снова взяла в руки каменный цветок. На этот раз держала дольше, позволяя холоду пройти по руке, по плечу, осесть где-то в груди, рядом с сердцем. Это был знак отличия – и ошейник, и компас, указывающий на её новую, странную принадлежность. В его ледяной красоте было что-то гипнотическое, почти жестокое, как сама правда: ты не просто учишься, ты – под надзором. Ты не просто Страж, ты – подопытный. Ты не просто человек, ты – часть их системы, их игры, их вечного, неспешного порядка, который существовал задолго до тебя и будет существовать после.

– Значит, я теперь... почти студентка, – сказала она, и в её голосе прозвучало удивление – не столько перед фактом, сколько перед тем, как быстро это случилось. Ещё вчера она была просто Алией, бывшим бухгалтером, которая училась различать тени и слушать голоса просителей. А сегодня – почти студентка. С формой, учебниками и каменным куратором. – С формой, учебниками и каменным куратором.

– Почти, – согласился Ивс, и в его голосе зазвучали привычные, успокаивающие нотки – тот самый деловой тон, который помогал ей держаться на плаву в первые, самые страшные дни одиночества. – Но студентка, которая уже похоронила неуспокоенных, поговорила со смертью, сложила историю из угля и полыни, накормила дом караваем и получила «удовлетворительно» от самой Хозяйки Медной Горы. Думаю, у тебя неплохие шансы не затеряться в академических коридорах. И даже – чего уж там – не ударить лицом в грязь перед своими однокашниками. А теперь, – он ткнул мордой в сторону пирога, который Ольга, кажется, уже успела вынуть из печи и накрыть полотенцем, чтобы не остыл, и от которого по кухне разносился умопомрачительный запах сдобы, корицы и чего-то ещё, неуловимого, но родного, – давай есть, пока Ольгино волшебство не остыло. Завтра посмотрим на ту форму. И... продолжим картографирование. Теперь, с новыми знаниями о «палете», ты сможешь отмечать на карте не только что

и где, но и какого цвета тишина в том или ином месте. Это будет наш первый официальный отчёт. Для Академии. И для Хозяйки.

Алия кивнула, отложив цветок в сторону. Он лежал на деревянном столе, на вышитой скатерти, рядом с глиняной миской, полной румяных пирожков, рядом с кружкой «Сочи-2014», рядом с пучком сушёных трав, висящим под потолком, – чужеродный и неумолимый, как сама судьба, которая теперь вела её по пути, полному не только магии и опасностей, но и каменных цветов, и обещаний яблоневого цвета, и взглядов, которые видят больше, чем она сама о себе знает.

Дом вокруг был тёплым и живым. Стены дышали, половицы тихонько поскрипывали, переговаривались, Ольга хлопотала у печи, напевая что-то тихое, древнее, и в этом напеве слышались все времена года, все урожаи, все праздники, которые когда-то праздновали в этом доме. Но в этом тепле, в этом уюте теперь навсегда поселился отголосок холодного, неподкупного взгляда из мира, где правила пишутся не чернилами и не словами, а силами самих пластов земли, временем, которое не знает пощады, и порядком, который не делает исключений.

Она взяла пирожок, откусила. Тесто было мягким, начинка – горячей, чуть сладковатой, и этот вкус, такой простой, такой земной, возвращал её из мира каменных цветов и академических встреч обратно, в дом. В её дом. В её жизнь. Которая, кажется, только начиналась.

Глава 1. Форма

Утро началось с того, что Алия проснулась раньше обычного. Солнце ещё не взошло, и комната была полна того особого, предрассветного полумрака, когда все предметы теряют свои чёткие очертания, превращаясь в смутные, призрачные силуэты. Но она не могла больше лежать. Каменный цветок, оставленный на столе в кухне, тянул к себе, как магнит, и она чувствовала его присутствие даже сквозь стены, сквозь сон, сквозь собственную усталость.

Она оделась быстро, накинула платок, вышла в коридор. Дом встретил её тишиной – не пустой, а полной ожидания. Ольга, наверное, ещё спала в своей каморке за печкой, Ивс, судя по ровному, низкому мурлыканью, доносившемуся из гостиной, устроился на диване и тоже отдыхал после вчерашнего. Алия прошла на кухню, бросила взгляд на стол – цветок был на месте, всё такой же холодный, невозможный, прекрасный, – и вдруг заметила, что шкаф, тот самый, старый, резной, что стоял в углу и в котором она ещё ни разу не открывала дверцы, слегка приоткрыт.

Она подошла ближе. Из щели, между створками, пробивался слабый, синеватый свет – не электрический, не солнечный, а какой-то иной, похожий на отблеск северного сияния или на свет, что горит в глубине ледника. Она потянула за резную ручку, и дверца отворилась сама, без скрипа, без усилия, с той плавностью, какая бывает только у хорошо смазанного механизма – или у предмета, который ждал этого момента очень долго.

Воздух пахнул старинным деревом, ладаном и чем-то неуловимо холодным – горным хрусталём, может быть, или тем самым камнем, из которого был сделан цветок на столе.

Алия замерла на пороге, не в силах вымолвить ни слова.

Шкаф был огромным – гораздо больше, чем казался снаружи. Его внутренность уходила куда-то вглубь, теряясь в полумраке, и там, в этом полумраке, на невидимых вешалках, на полках, в ящиках, покоились сокровища. Не золото и не драгоценности – хотя и они там были, – а нечто гораздо более ценное. Форма.

Она была не просто одеждой. Это было послание, вытканное в парче и отлитое в золоте. Каждый шов, каждый узор, каждый камень – всё имело значение, всё было частью сложной, древней системы знаков, которую Алия ещё не умела читать, но которая уже начинала говорить с ней на языке, понятном телу, крови, самой глубинной памяти.

Первый наряд висел на резной вешалке из тёмного дерева, и свет, падающий из окна, играл на его складках, оживляя их, заставляя переливаться и дышать.

Платье было из синей парчи – такого глубокого, насыщенного оттенка, что он казался кусочком полярной ночи, затянутой в бархат. Ткань была тяжёлой, но не грубой; она струилась, как вода, и в ней, если смотреть достаточно долго, начинали проступать узоры – не нанесённые сверху, а сотканые в самой основе, как прожилки в мраморе или годовые кольца в срезе древнего дуба.

Длинные, узкие рукава, облегающий лиф, строгий, но не стесняющий, и юбка, ниспадающая тяжёлыми, царственными складками, – всё в этом платье было выверено до миллиметра, рассчитано на то, чтобы придавать фигуре величие, даже если сама фигура к величию не привыкла. Но главным чудом была вышивка. Не просто узор – целая повесть, рассказанная на языке, который старше любых слов. Золотые нити сплетались в стебли невиданных растений, в крылатых существ, в геометрические формулы, светящиеся внутренним светом, и Алия, глядя на них, вдруг поняла, что это не просто украшение – это карта. Карта того, что она должна будет узнать, и того, что уже знала, сама того не ведая.

У горла, на изящной серебряной цепочке, лежал камень. Не просто синий, а цвета самой глубокой и чистой льдины, огранённый в форме лодочки – древний символ, значение которого

она ещё не понимала, но чувствовала всем существом. Камень пульсировал тихим, мерцающим светом, и этот свет был живым, он дышал, он ждал, когда его коснутся.

Второй комплект был иным – доспехами учёного и воина одновременно. Чёрный сюртук из плотной, матовой ткани, не пропускающей ни свет, ни, как казалось, взгляд. Ткань была не просто тёмной – она была чернее ночи, чернее угля, чернее той пустоты, что когда-то жила в душе Алии, и в этой черноте, если присмотреться, можно было различить едва заметные, переливающиеся нити – серебряные, золотые, лунные. К нему – узкие штаны и рубаша из тончайшей чёрной шерсти, такой мягкой, что к ней хотелось прикасаться снова и снова. Просто, строго, смертельно серьёзно. В этом костюме нельзя было спрятаться, нельзя было раствориться в толпе – в нём можно было только идти вперёд, и взгляды, которые он притягивал, были не любопытными, а оценивающими, взвешивающими.

Третий – простой, но оттого не менее совершенный. Льняная рубаша, мягкая от множества стирок, и тёмно-зелёный сарафан, в складках которого угадывалась защитная символика, вытканная такими же льняными нитями, но иного плетения. Этот наряд был для дома, для быта, для контакта с землёй и простыми духами – и в нём, в отличие от первых двух, было что-то уютное, почти родное. Он пах травами и дымом, и Алиа, глядя на него, вдруг вспомнила маму, её старый, выцветший сарафан, в котором она возилась на кухне.

И обувь. Туфли-лодочки из той же синей парчи, усыпанные мелкими, как роса, кристаллами. Сапоги из бычьей кожи, прочные, на небольшом, но уверенном каблуке – для пути. И мягкие, почти бесшумные сапоги без каблука – для дома, для тихого шага по своим владениям. Каждая пара стояла на своей полке, и каждая, казалось, ждала своего часа.

Но больше всего потряс гребень. Он лежал на бархатной подушке, отдельно от всего, в центре одной из полок, и свет, падающий на него, преломлялся, рассыпаясь на сотни маленьких радуг. Золотой, тяжёлый, с рукоятью, украшенной теми же синими камнями, что и камень-лодочка на платье. Его зубцы были не просто ровными – они казались отточенными, готовыми рассечь не только волосы, но и путаницу лжи, и пелену иллюзий, и ту самую тьму, что иногда сгущалась на границах миров.

Ивс, проснувшийся, видимо, от того, что дверца шкафа открылась, и теперь стоящий рядом, обходил разложенное богатство, издавая тихие, почтительные возгласы.

– Матушка Гора... – прошептал он, и в его голосе слышалось не просто удивление, а что-то большее – благоговение, смешанное с пониманием того, что это значит. – Она действительно расщедрилась. Это не просто форма. Это – инвестиция. Визуальное подтверждение твоего статуса. Парча для аудиенций и высших советов. Чёрное – для полевой работы, для переговоров с теми, кто понимает только силу. Лён – для быта, для контакта с землёй и простыми духами. И гребень... о, этот гребень. – Он замолчал, глядя на золотые зубцы, и в его разноцветных глазах отразился тот же синий свет, что исходил от камней. – Это инструмент, Лия. Не просто украшение. Им можно и волосы поправить, и... кое-что иное расчесать. Сны, например. Или чужие намерения. Или ту самую паутину лжи, что плетут вокруг тебя.

Ольга, робко выглянув из-за двери, ахнула и прикрыла рот рукой. Её глаза, обычно спокойные, сейчас сияли, как две звёздочки.

– Такой красоты... – прошептала она. – Будто сама царица... Будто из сказки... Будто не наяву...

Алиа всё ещё молчала. Она смотрела на синее платье, на чёрный сюртук, на льняной сарафан, и в голове её теснились мысли, которые не складывались в слова. Она потянулась, осторожно, как к раскалённому железу, и подняла одну из парчовых туфель. Ткань была шелковистой и невероятно прочной – она чувствовала это подушечками пальцев, и это ощущение было таким новым, таким непривычным, что у неё перехватило дыхание.

Она никогда в жизни не держала в руках ничего подобного. Её мир состоял из дешёвых колготок, которые рвались на второй день, из потрёпанных балеток, купленных на распродаже,

из одного выходного платья, которое она надевала по праздникам и которое уже не скрывало, что фигура изменилась, а фасон устарел. А тут... богатства, о которых она не смела и мечтать. И они вызывали не восторг, а глухую, липкую панику. Зачем ей всё это? Кем она должна стать, чтобы это носить? И сможет ли она стать этой кем-то, не потеряв себя?

– Внизу, – прошептал Ивс, кивнув на низ шкафа, – должна быть шкатулка.

Алия опустилась на колени. Действительно, там, на самой нижней полке, стояла плоская шкатулка из тёмного дерева с инкрустацией из перламутра. Она была не такой большой, как сундук, в котором принесли одежду, но в ней чувствовалась та же тщательность, та же любовь к деталям, та же древняя, неспешная основательность. Она щёлкнула замочком – тонким, изящным, с едва слышным звоном, – и крышка откинулась.

Внутри, на чёрном бархате, лежало сокровище, от которого перехватило дыхание.

Ленты для волос – шелковые, парчовые, узорчатые, каждой – свой оттенок, своё назначение, своя история. Заколки, шпильки, гребни поменьше – искусно вырезанные, с камнями, которые казались живыми, дышащими. И гарнитуры. Серьги, подвески, кольца, броши. Серебро и золото, но главное – камни. Не бриллианты, не стразы, не блестящие безделушки, а живые, магические самоцветы: опалы с внутренним огнём, который переливался и менялся, когда на них падал свет; дымчатые кварцы, хранящие в себе туман и прохладу глубоких пещер; тёплые янтари, в которых застыли древние, давно исчезнувшие насекомые; алые рубины, похожие на капли крови, пульсирующие в такт сердцу; и синие камни, как у платья, – цвета самой глубокой и чистой льдины, цвета полярной ночи, цвета той тишины, что стоит на границе миров.

Всё это лежало, сверкая в слабом свете комнаты, немое свидетельство власти, которой она не просила, но которая теперь лежала на ней, как каменный цветок на столе, как форма в шкафу, как белые волосы на её плечах.

– Я... не могу это носить, – наконец выдохнула Алия, отстраняясь. Голос её был хриплым, чужим, и она слышала в нём тот самый страх, который когда-то заставил её спрятаться в серой, незаметной жизни. – Это слишком. Я не... я не царица. Я бухгалтер. Я считаю чужие деньги и заполняю декларации. Я не умею носить такое. Я не хочу носить такое.

– Ты – Страж Ягинишн, Хозяйка Дома, ученица Академии, – поправил её Ивс, мягко, но твёрдо. В его голосе не было ни насмешки, ни снисхождения – только та спокойная, незыблемая уверенность, которая помогла ей выстоять в самые страшные дни. – И всё это – не для красоты. Это – инструменты. Камень на шее, вероятно, резонатор для связи с Госпожой Горой или для защиты разума от тех, кто захочет в него проникнуть. Гребень – для наведения порядка, в том числе и магического. Украшения – не просто безделушки. Каждый камень что-то значит. Опал – для видений и работы с иллюзиями. Рубин – для силы воли, для клятв, которые нельзя нарушить. Дымчатый кварц – для заземления, для связи с землёй, для того, чтобы не потерять себя в чужих слоях. Это твой новый рабочий набор, Лия. Как калькулятор и ручка были твоими инструментами раньше.

Он подошёл и ткнулся носом в её ладонь. Шерсть была тёплой, мягкой, и от этого прикосновения паника, сжимавшая грудь, начала понемногу отпускать.

– Это не подарки, – продолжал он, и в его голосе появились те самые нотки, которые она слышала, когда он объяснял ей разницу между дебетом и кредитом, между активом и пассивом, между долгом, который можно оплатить, и долгом, который остаётся навсегда. – Это – амортизация. Вложение в твою эффективность. Матушка Гора даёт тебе ресурсы, ожидая отдачи. И это честно. Ты уже показала, что способна на большее, чем просто выживать. Теперь ты должна оправдать это доверие. И выглядеть соответствующим образом – часть работы. Не самая главная, но важная. Потому что видящие видят не одежду – они видят знаки. И если ты явишься к ним в том, что носила в своей старой жизни, они не увидят тебя. Они увидят только то, что ты хочешь спрятаться. А ты, – он посмотрел ей прямо в глаза, и в его разноцветных

глазах горел тот самый огонь, который она видела у Ольги, когда та говорила о яблоне, – ты больше не прячешься. Ты – Страж.

Алия медленно провела пальцами по холодному золоту гребня. Внутри что-то перевернулось. Страх и неловкость не исчезли, но к ним добавилось новое чувство – ответственность. Эти вещи были тяжёлыми. Буквально и метафорически. Их нельзя было просто спрятать в шкаф, забыть, сделать вид, что их не существует. Их нужно было использовать. Освоить. Как она осваивала Excel и бухгалтерские проводки. Как она осваивала ступу и помело. Как она осваивала палету и искусство слушать просителей.

Она взяла в руки простую льняную рубаху. Ткань была грубой, но приятной, и от неё пахло травами и солнцем. Это она могла понять. Это было близко. Это было похоже на то, что она носила раньше, – и одновременно совсем другим, потому что в этой рубахе, в этом сарафане была сила, была история, была связь с теми, кто носил их до неё.

– Ладно, – тихо сказала она, и в её голосе не было больше паники, только тихая, спокойная решимость. – Значит, учимся. И одеваться тоже. – Она взглянула на Ивса. – Ты сможешь разобраться, что для чего?

– Конечно, – мурлыкнул кот, и в его глазах блеснула гордость – та самая, с которой он смотрел на неё у пруда, когда она предложила тень за камень, и в зале Академии, когда она не опустила взгляд. – Начнём с сарафана. Он тебе сегодня к лицу. А завтра... завтра попробуем надеть камень-лодочку. Посмотрим, о чём он будет с тобой говорить. Не бойся, – добавил он, заметив её колебание. – Камни, которые дарит Гора, не кусаются. Они только... проверяют. Стоит ли с тобой говорить.

Алия кивнула, всё ещё ощущая лёгкое головокружение от этого материального изобилия. Но теперь в этом головокружении был уже не только страх, но и твёрдая почва под ногами – почва долга, принятого раз и навсегда. Дом давал ей тепло и уют. Академия – знания и статус. А Госпожа Гора – доспехи и оружие для предстоящего пути. Оставалось только научиться всем этим пользоваться, не сломавшись под тяжестью собственного нового облика.

Она поднесла гребень к своим белым волосам. В отражении золота на фоне седины было что-то неумолимо правильное. Как знак на дороге, который нельзя игнорировать. Как строка в балансе, которую нельзя пропустить. Как обещание, которое нельзя нарушить.

Глава 2. Дни перед цветением

Дни текли, заполненные работой, которая обретала всё более чёткие очертания. Алия, теперь чаще в простом сарафане или практичном чёрном сюртуке, ходила по своему странному городу, который всё больше напоминал не Екатеринбург её детства, а нечто иное – многослойное, древнее, живущее по своим, неведомым законам.

Она уже не просто отмечала точки на карте. Она решала вопросы. Урезонивала задворка, растаскивающего блестящие безделушки, договорившись выделить ему старый бисерный футляр, который нашёлся в кладовке. Выступала арбитром в споре между дворовым и внезапно проснувшимся банником за право на самый тёплый угол возле печки в заброшенной чайной, и этот спор, длившийся, по словам Ивса, не одно десятилетие, наконец разрешился тем, что Алия предложила дежурить по очереди. Слушала смутные жалобы-намёки от призраков старых купчих, желавших, чтобы их фасады хоть изредка мыли, – и находила тех, кто соглашался это делать за небольшое подношение. Торговалась с духом-менялой Спиридоном, обменивая находки с реки на практические вещи: крепкие нитки, соль, новый напильник – и каждый раз уходила с чувством, что Спиридон остался доволен сделкой, а это, как объяснил Ивс, было важнее, чем выгодная цена.

Это была рутина. Не бухгалтерская, а стражья. Медленная, методичная, по крупницам восстанавливающая баланс, который нарушался веками, десятилетиями, годами. И она была хороша в этом. Системный подход, дотошность и даже её прежняя отстранённость теперь работали на неё, позволяя сохранять хладнокровие там, где другой растерялся бы или испугался. Она не лезла с дружелюбием, не пыталась понравиться, не искала признания – она просто делала свою работу. И мир вокруг неё отвечал тем же: спокойствием, порядком, тихой благодарностью.

Тем временем Ивс и Ольга устроили настоящую опеку над старой яблоней в саду. Кот консультировался с Книгой, ворча на погоду и на то, что «в старые времена яблони цвели точно в срок, без всяких там капризов», а домовая подкармливала дерево, разговаривала с ним, засыпала приствольный круг золой от печи и тёплой водой, в которой мыла посуду после праздничного ужина.

– Ты только посмотри на неё, – говорил Ивс, сидя на подоконнике и наблюдая, как Ольга, присев на корточки, шепчет что-то корням яблони. – Она с ней, как с младенцем. И ведь понимает. По-своему, по-домовому, но понимает.

Алия смотрела на яблоню. Дерево было старым, корявым, с обломанными ветвями и дуплами, в которых, наверное, жили неведомые существа. Но в его коре, в набухших почках, в том, как оно тянулось к свету, было что-то упрямое, живучее, несмотря ни на что. Как в ней самой, подумала Алия. Как в этом городе, который продолжал существовать, хотя время вокруг него шло вспять.

И яблоня, будто отвечая на заботу, набухла розоватыми бутонами. Сначала их было мало, и они были почти незаметны среди серых, мёртвых ветвей. Но с каждым днём их становилось всё больше, они росли, наливались, и в воздухе, даже ещё холодном, уже чувствовался тот сладкий, предвесенний запах, который обещал тепло и цветение.

В то утро, когда первый нежный лепесток, подхваченный ветерком, через открытую форточку опустился на спящую Алию, в доме поднялась тихая паника.

Ольга, получив от Ивса многозначительный взгляд, бросилась будить хозяйку, забыв о всяком этикете.

– Лия, родимая, вставай! – её голос, обычно тихий, сейчас звенел от волнения. – Лепесток упал! День пришёл! Яблоня зацвела! Смотри, смотри, какой!

Алия села на кровати, чувствуя, как сон отпускает её медленно, нехотя, оставляя в голове лёгкий туман. На одеяле лежал лепесток – нежный, бледно-розовый, почти прозрачный на просвет. Она подняла его, и он затрепетал на её ладони, живой, тёплый, пахнущий весной.

– Сегодня? – спросила она, хотя ответ уже знала.

– Сегодня, – подтвердил Ивс, появляясь в дверях. Он был в своём парадном монокле, и шерсть его, обычно слегка взъерошенная, сегодня была приглажена и расчёсана. – Встреча в Академии. Надевай синее.

Алию наряжали как невесту, но без веселья – с сосредоточенным, почти ритуальным трепетом. Ольга, забыв о своей обычной робости, командовала, поправляла, одёргивала, и в её движениях была та же уверенность, с какой она замешивала тесто или затапливала печь.

Синее парчовое платье оказалось на удивление лёгким, но его вес ощущался в другом – в неотвратимости. Когда Алия надела его, она почувствовала, как ткань облегает тело, не сковывая, но и не отпуская, как вторая кожа, как доспехи, как обещание. Камень-лодочка на серебряной цепочке лёг на грудь, и от него пошло тепло – не обжигающее, а ровное, спокойное, и Алия вдруг поняла, что это тепло – связь. С Академией, с Госпожой Горой, с тем, что ждало её впереди.

Ольга, ловко орудуя гребнями и шпильками, заплела белоснежные волосы в две пышные косы, затем искусно переплела их в сложный, торжественный узел на затылке, который увенчала тем самым золотым гребнем с синими камнями. Камни холодно заблестели, будто ожили, и в их глубине, когда Алия смотрела в зеркало, ей почудилось что-то – лицо, может быть, или отражение комнаты, в которой она никогда не была.

Каменный цветок, лежавший всё это время на видном месте, вмиг изменил форму. Цепочка сама обвилась вокруг её запястья, а малахитовый подснежник превратился в изящную пряжку-застёжку. Теперь это был браслет – верительная грамота и маяк одновременно, и Алия чувствовала, как он пульсирует в такт её сердцу, связывая её с чем-то большим, чем она сама.

Она подошла к зеркалу. И не узнала себя.

В отражении смотрела не Алия Назарова, бухгалтер, не та, кто когда-то мечтал исчезнуть, раствориться в серой, незаметной жизни. Смотрела Старейшина. Хозяйка. Страж. Лицо, привыкшее к полуголоду и одиночеству, теперь, обрамлённое благородной парчой и сиянием камней, казалось принадлежащим другой женщине – строгой, собранной, обладающей властью, которой она ещё только училась управлять. Белые волосы, ещё недавно бывшие меткой смерти, напоминанием о цене, которую она заплатила, теперь превратились в корону – странную, непривычную, но неотъемлемую часть её новой сути.

Ивс стоял рядом, уже в своём парадном монокле, с крошечной, но идеально подобранной котомкой через плечо. В его зелёных глазах читалась смесь гордости и лёгкой тревоги – той тревоги, которую испытывают те, кто провожает своего в первый путь, не зная, что ждёт впереди.

– Готово? – спросил он просто.

Алия (Лия? Она и сама уже не знала) глубоко вдохнула, ощущая непривычный холод камня на запястье и тяжесть гребня в волосах. Она поймала в отражении взгляд Ольги, которая смотрела на неё со слезами на глазах и сжатыми у груди руками, и в этом взгляде было всё: и гордость, и страх, и вера, и любовь.

– Всё будет хорошо, Ольга, – сказала она, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала.

– Присмотри за домом.

– Всё сделаю, Лия, – прошептала домовая, вытирая глаза передником. – Всё будет, как ты велишь.

– Ну что, – сказала Алия, поворачиваясь к Ивсу. – Пошли.

Она не пошла к двери. Она шагнула к зеркалу. Тому самому, в котором когда-то явилась Хозяйка Горы, и в которое она сама так часто смотрела с недоверием, не узнавая собственного отражения, не веря в то, что видит.

Поверхность стекла не дрогнула, не заходила рябью. Она просто... приняла её. Как будто была не барьером, а плёнкой, разделяющей два состояния бытия, два слоя реальности, две жизни. Парча не смялась, складки платья не потеряли формы. Алия сделала шаг – и её отражение приблизилось, слилось с ней, а затем стало реальностью по ту сторону.

Последнее, что она увидела в комнате, – это сияющее лицо Ольги и солнечный луч, упавший на пустую тарелку от завтрака. Последнее, что услышала, – это тихий, ободряющий мурлык Ивса, шагнувшего следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.